

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний: (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, еп. Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1901. Т. 2. № 6. С. 311—348 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. ¹⁾

(Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

14-е Іюня. Среда. По Аѳону.

Утромъ Преосвященный вмѣстѣ съ о. архим. Гаврииломъ и старшими изъ братіи служилъ Божественную литургію въ Ильинскомъ скиту. За богослуженіемъ кромѣ его спутниковъ присутствовали всѣ иноки скита, на долю которыхъ рѣдко выпадаетъ счастье видѣть торжественное богослуженіе, совершаемое русскимъ Владыкою. Многіе присутствовали за такимъ богослуженіемъ впервые, и оно производило на нихъ сильное впечатлѣніе. Литургія совершалась въ соборномъ храмѣ во имя св. пророка Іліи. Во время литургіи Преосвященнымъ, по просьбѣ о. архимандрита и съ согласія епитроповъ Пантократора, совершена была хиротонія во іеромонаха и іеродіакона.

Соборъ не особенно большой, однокупольный; основаніе его крестообразное, алтарь и клиросы—полукруглые. Куполь, алтарь и средняя часть церкви покрыты листовымъ оловомъ, притворъ же—каменными плитками, выдѣлываемыми изъ мѣстнаго камня. Прямо противъ церковныхъ дверей, къ западу отъ храма, ворота, а надъ ними красивая, трехъярусная колоколенка. Главною святынею собора является часть животворящаго древа, изъ котораго сдѣланъ крестъ. Эту

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ, Май стр. 108—143.

святую купилъ начальникъ скита хаджи ¹⁾ Аѳанасій за 10 тысячъ турецкихъ левовъ (левъ или чирекъ по курсу равняется 40 копейкамъ) у разорившагося греческаго монастыря Варетяда, находившагося въ епархіи Артисской, куда она была подарена императоромъ Никифоромъ Фокою въ 964-омъ году. Есть части мощей въ соборѣ: святаго ап. Андрея Первозваннаго, Іоанна Предтечи, Іакова, брата Господня, и много другихъ, и двѣ чудотворныя иконы: Божіей Матери Млекопитательницы, прославившейся чудотвореніями въ Россіи, и особенно чтимая Тихвинская Слезоточивая, названная такъ потому, что въ 1876 году, передъ нашествіемъ на св. гору Турокъ, проливала слезы.

По окончаніи богослуженія, Преосвященный со своими слутниками, подъ руководствомъ настоятеля о. Гавріила, осмотрѣлъ весь скитъ, годъ отъ году все расширяющійся. Въ настоящее время въ немъ идутъ работы. Скитъ имѣетъ форму продолговатаго четырехъугольника (25 с.—въ длину и 19—въ ширину). Въ срединѣ—соборъ. Съ правой стороны собора—двѣ церкви: во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и во имя святителя Митрофана Воронежскаго. Къ этимъ церквамъ пристроенъ двухъ-этажный домъ, гдѣ помѣщаются кельи. Этотъ домъ тянется во всю длину скита, параллельно противоположному такому-же корпусу, въ которомъ помѣщаются: трапеза, кухня, кладовыя, комнаты для гостей, и т. п. Въ скита, въ сажняхъ десяти отъ колокольни, построенъ 2-хъэтажный корпусъ съ двумя церквами: во имя архистратига Михаила и св. Николая; кромѣ того, въ немъ помѣщается больница и нѣкоторые изъ братій. Рядомъ съ этимъ есть еще три двухъэтажныхъ каменныхъ корпуса, гдѣ помѣщаются кладовыя, столярная мастерская, маслобойня, и т. д., и живутъ рабочіе.

Послѣ обѣда, въ виду сильной жары, до 3-хъ часовъ отдыхали. Пользуясь свободнымъ временемъ, студенты, бывшіе вмѣстѣ съ Преосвященнымъ въ Ильинскомъ скиту, посѣтили монастырь, находящійся недалеко отъ скита, Пантократоръ. Не скоро допросились отпереть храмъ, но за то долго любовались чудною живописью, приписываемую кисти Пан-

¹⁾ Имя хаджи въ древнее время давалось лицамъ, которыя ѣздили въ Иерусалимъ на поклоненіе.

селина, именно: сохранившимися изображеніями Спасителя, Божіей Матери и Предтечи Господня. Здѣсь же прикладывались къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, называемой Геронтисою, т. е. Старицею, потому что она написана въ старческомъ возрастѣ, безъ Богомаденца, и являетъ свою особенную попечительность объ умирающихъ старцахъ.

Въ четвертомъ часу, когда жара начала понемногу спадать, Преосвященный вмѣстѣ со своими спутниками оставилъ Ильинскій скитъ, обѣщаясь вернуться туда на другой день изъ Андреевскаго скита на торжество закладки новаго храма, которое предполагалось на слѣдующій день. Путь лежалъ къ Иверскому монастырю, отстоящему отъ Ильинскаго скита на разстояніи 1½ часа. Въ 5-ть часовъ Преосвященный со своими спутниками пріѣхалъ въ Иверъ, гдѣ встрѣтился съ остальною частью студентовъ, путешествовавшихъ вмѣстѣ съ о. Анастасіемъ по южной сторонѣ горы.

Послѣдняя компанія начала свой день съ знакомства съ Лаврою св. Аѳанасія, куда прибыла она наканунѣ и гдѣ провела ночь. Такъ какъ въ этотъ день предполагено было сдѣлать громаднѣйшій конецъ отъ Лавры св. Аѳанасія до Андреевскаго скита съ остановками по пути у источника св. Аѳанасія, въ келліи св. Артемія, у патріарха Іоакима, пребывающаго на Аѳонѣ (въ собственной келліи), и въ монастырѣ Иверѣ, то мы встали очень рано. О. Ивистіонъ разбудилъ насъ въ четыре часа и, не смотря на горячіе протесты, заставилъ подняться. Сначала осмотрѣли дворъ Лавры. Онъ занимаетъ громаднѣйшую площадь (болѣе 3 тысячъ сажень) и весь застроенъ церквами (около 20) и жилыми строеніями. На дворѣ, недалеко отъ того корпуса, въ которомъ мы ночевали, о. Ивистіонъ обратилъ наше вниманіе на икону Божіей Матери въ кіотѣ, предъ которымъ теплится лампада. На этомъ мѣстѣ, по преданію, явилась св. Аѳанасію Пресвятая Богородица, утѣшавшая его въ скорбяхъ, особенно тяжелыхъ въ то время, когда на него, за введеніе въ своемъ монастырѣ киновіальнаго устава, возстали всѣ святогорскіе монахи, обвинявшіе его въ разрушеніи древнихъ традицій монастыря. На другой сторонѣ монастыря, недалеко отъ собора, о. Ивистіонъ показалъ намъ громаднѣйшій фіалъ, высѣченный изъ одного куска драгоцѣннаго мрамора: въ немъ совершается освященіе воды въ праздникъ Богоявленія и пер-

ваго числа каждаго мѣсяца. Чаша помѣщается подъ куполомъ, утвержденнымъ на 8-ми мраморныхъ столбахъ и осѣняемымъ двумя кипарисами, посаженными, по преданію, рукою св. Аѳанасія. Девятисотлѣтніе старцы, дѣйствительно, имѣютъ древній, хотя еще и бодрый видъ. Когда мы вошли въ Лаврскій соборъ, тамъ совершалось еще богослуженіе; молящихся иноковъ было немного; они поражали своимъ изможденнымъ видомъ и казались замершими въ своихъ стасидіяхъ. Едва лишь мы вошли въ церковь, монахъ началъ выносить на средину церкви въ ящикахъ мощи святыхъ; такихъ ящиковъ онъ вынесъ 11-ть, по числу мѣсяцевъ,—нѣтъ ящика только на августъ; къ нимъ мы приложились. Здѣсь есть: главы Василия Великаго, Михаила Синадскаго, св. Александра, св. Иоанна Кукузеля, локоть лѣвой руки св. І. Златоуста, и много другихъ частицъ мощей. Соборъ посвященъ Благовѣщенію Пресвятой Богородицы самимъ Аѳанасіемъ, хотя нѣсколько разъ потомъ возобновлялся. Это одинъ изъ самыхъ большихъ соборовъ на святой горѣ (26 саж. въ длину и 30 въ ширину). Внутренность храма крестообразная, клиросы расположены полукругами по стѣнѣ; съ западной стороны—двѣ галлерей, обѣ росписаны; но живопись подновленная. Большой куполь собора утверждается на 4-хъ сводахъ, опирающихся на каменные устои, и украшается красивымъ трехъяруснымъ хоросомъ, и нѣсколькими бронзовыми крестами, висящими въ видѣ кадиль на сводахъ храма. Стѣны храма обложены плитами голубого фаянса, полъ—мраморный. Слева, къ притвору храма, примыкаетъ церковь во имя 40 мучениковъ, въ которой находится гробница св. Аѳанасія, умершаго подъ развалинами храма. О кончинѣ св. Аѳанасія въ монастырѣ существуетъ такое преданіе. Св. Аѳанасій предсказалъ свою кончину, объявивъ братіи монастыря, чтобы они не печалились о бѣдствіи, которое должно съ ними произойти. Однажды онъ вышелъ на постройку соборной церкви и съ шестью монахами поднялся на верхъ храма. Въ это время обрушились своды купола, и св. Аѳанасій и его спутники были живо погребены подъ его развалинами. Пятеро умерли немедленно, а св. Аѳанасій и одинъ каменщикъ жили около 3-хъ часовъ, и изъ подъ развалинъ были слышны пѣнопѣнія Святого. Гробъ находится на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде были похоронены останки Святого, потерянные во время ра-

зоренія Лавры латинянами, въ 13-мъ вѣкѣ. Тутъ показали намъ вериги Святого, имѣющіе форму деревяннаго креста въ желѣзномъ окладѣ съ желѣзнымъ обручемъ сверху, вѣсу не менѣе 10 фунтовъ, а также—желѣзный жезлъ съ крестомъ вверху, которымъ, по преданію, св. Аванасій билъ испугавшихъ его демоновъ, и картину, изображающую это событіе. Отсюда мы прошли въ церковь Введенія Божіей Матери, гдѣ находится чудотворная икона Ея, называемая „Кукузелисса“. Осмотрѣвъ церковь, зашли въ бібліотеку. Библіотека довольно благоустроенная. По словамъ Барскаго, въ прежнее время въ Лаврѣ было безчисленное множество книгъ древнихъ, рукописныхъ, и очень рѣдкихъ, но „или отъ нужды, или отъ не разсужденія“ книги были иноками проданы, и находятся въ бібліотекѣ Марка въ Венеціи и другихъ городахъ Европы. Но и въ настоящее время бібліотека Лавры очень цѣнна. Въ ней хранится болѣе 300 рукописей, въ томъ числѣ до 60-ти евангелій, писанныхъ уставомъ, большими круглыми буквами и мелкою скорописью. Есть рукописи, относящіяся къ V-му и XI-му вѣкамъ.

Въ 7 часовъ мы разстались съ Лаврою св. Аванасія. За воротами, около большого мраморнаго водоема, насъ уже поджидали мулы. Усѣвшись на муловъ и бросивъ прощальный взглядъ на монастырь, живописно расположенный у подножія громадной горы, мы направились къ источнику св. Аванасія, отстоящему на 2 часа отъ Лавры. Дорога отъ Лавры св. Аванасія—сравнительно прекрасная, идетъ постоянно подъ навѣсомъ чудныхъ вѣковыхъ деревьевъ, и время за разговорами у насъ прошло очень скоро. Незамѣтно подъѣхали мы къ источнику св. Аванасія, широкою струею бьющему изъ расщелины горной скалы, надъ которою устроена галлерей для отдыха путешественниковъ, освѣщаемая со всѣхъ сторонъ вѣковыми деревьями. Источникъ убѣгаетъ въ море, свѣтлѣющеея сквозь густую чащу деревьевъ. Мѣсто совершенно пустынное; за источникомъ начинается крутая гора, поросшая густымъ лѣсомъ. Направо отъ галлерей небольшая церковь съ иконою Божіей Матери, предъ которою постоянно теплится лампада. Мы приложились къ этой иконѣ и пропѣли величаніе Богородицѣ. Преданіе, связанное съ происхожденіемъ источника, слѣдующее. Въ годину голода братія разошлась изъ обители, отыскивая пищу. Пришлось

оставить обитель и св. Аванасію. На дорогѣ встрѣтилъ Божию Матерь, которая убѣждала его вернуться назадъ, обѣщая быть экономиссою Лавры, а для убѣжденія въ дѣйствительности своего явленія велѣла ему ударить жезломъ по скалѣ. Аванасій ударилъ и изъ разсѣченнаго камня побѣжалъ потокъ воды, текущій и до настоящаго времени. Вода источника считается цѣлебною. Скала, изъ которой онъ вытекаетъ, находится на высотѣ 3—4 аршинъ отъ земли, такъ что образуетъ прекрасный душъ. Мы всѣ раздѣвались и становились подъ него на нѣсколько секундъ. Больше простоять нельзя. Струя воды падаетъ съ значительною силой, вода необыкновенно холодная, а изъ подъ ногъ скользятъ уносимые потокомъ камни. Пока мы купались, о. Ивистіонъ развелъ костеръ и готовилъ чай. Пили чай и закусывали, расположившись подъ тѣнью громаднаго комарневаго дерева. Закусывали прекраснымъ аѳонскимъ получернымъ хлѣбомъ, такъ какъ октоподы, на которыхъ о. Ивистіонъ возлагалъ большія надежды, мы забраковали, хотя они и считаются у монаховъ лакомымъ блюдомъ. О. Ивистіонъ особенно совѣтовалъ подкрѣпляться аѳонскимъ кваскомъ, такъ какъ предстоитъ 2-хъ часовой переѣздъ до келліи св. Артемія, и довольно трудный. Вообще монахи, путешествуя по св. горѣ, запасаются краснымъ виномъ, въ виду того, что пить одну воду во время сильной жары считаютъ небезопаснымъ для здоровья. У живоноснаго источника мы пробыли около часа. Затѣмъ снова сѣли на муловъ и тронулись далѣе. По бокамъ бѣгутъ мальчишки — погонщики муловъ, большею частію, болгары, а впереди, въ красивомъ болгарскомъ костюмѣ, важно выступаетъ, указывая дорогу, старшій надъ ними. Солнце печетъ. Дорога постоянно извивается и уходитъ почему-то довольно далеко отъ берега въ густой лѣсъ, гдѣ нелегко пройти даже пѣшкомъ. Но мулы умѣло, хотя и лѣнливо, протискиваются среди густыхъ, царапающихъ лицо и рвущихъ одежду зарослей, отдыхаютъ, вопреки желанію сѣдоковъ, у источниковъ и мало по малу подвигаются все-таки впередъ. Дорога—неровная, то подымается въ гору, то такъ круто спускается внизъ, что того и гляди перепрыгнешь черезъ голову мула, въ полной власти котораго находишься все время. Заставить упрямаго мула идти скорѣе, тише, или перегнать другого — вещь мудреная. Онъ все

равно поставитъ на своемъ и, перегнавъ товарища подъ вліяніемъ хлыста, чрезъ нѣсколько минутъ, снова отстаетъ отъ него.

Въ 12-ть часовъ пріѣхали въ келлію св. Артемія. Она видна издали, такъ какъ расположена на значительной возвышенности, въ разстояніи минутъ 20 отъ моря. Она очень напоминаетъ келлію св. Георгія: такъ же походитъ, какъ и та, на небольшое помѣщичье хозяйство, только нѣсколько богаче келліи св. Георгія и благоустроеннѣе. Около нея—огородъ, виноградники, садъ, воздѣланный съ большимъ тщаніемъ. При келліи церковь—небольшая, но очень уютная. въ алтарѣ престолъ стоитъ мраморный. Келіотовъ болѣе 20 человекъ. Находятся они подъ управленіемъ отца Парѳенія, еще не стараго, бодрого инока, съ угрюмымъ выраженіемъ лица, но очень добраго. Принялъ насъ онъ гостепріимно и угостилъ прекраснымъ обѣдомъ. Въ келліи св. Артемія, пользуясь гостепріимствомъ о. Парѳенія, мы пробыли часа два, отдыхая и любуясь чудными видами, открывающимися отсюда во всѣ стороны. На востокъ отъ нея красуется море во всемъ своемъ величіи, изъ бездны водъ Архипелага встаютъ величественные острова Тассо и Самоѳраки; къ югу высится величественный Аѳонъ; къ сѣверу открывается видъ на рядъ другихъ живописно раскинувшихся по св. горѣ келлій и скитовъ.

Часа въ два, простившись съ о. Парѳеніемъ, мы отправились въ Иверскій монастырь, собираясь по дорогѣ навѣстить бывшаго Константинопольскаго патріарха Іоакима Ш, живущаго уже 12 лѣтъ на Аѳонѣ, недалеко отъ Ивера. Дорога отъ келліи св. Артемія до Ивера идетъ по надморью, такъ что справа все время sinkъется море. Дорога по прежнему страшно неровна: все время то поднимаешься, то спускаешься съ горы, и часто висишь надъ бездною. Къ этому присоединяется жара, дѣлающая путешествіе крайне затруднительнымъ и утомительнымъ.

Поэтому мы сильно обрадовались, когда показалось недалеко отъ морского берега жилище патріарха. Патріархъ живетъ здѣсь въ заточеніи: онъ не имѣетъ права никуда выѣзжать съ Аѳона, гдѣ онъ живетъ уже 12 лѣтъ, пользуясь глубокимъ уваженіемъ иноковъ за свою строго-подвижническую жизнь и открытый благородный характеръ. 16 лѣтъ

уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ патриаршій престоль, на которомъ сидѣлъ только шесть лѣтъ (съ 4 октября 1878 г. по 30 марта 1884 г.), сдѣлавъ за это немногое время много хорошаго для Великой Церкви. Онъ родомъ изъ богатой греческой (Константинопольской) семьи и получилъ прекрасное образованіе. До вступленія на патриаршую кафедру онъ, по постриженіи въ монашество, занималъ должности діакона при храмѣ св. Георгія въ Вѣнѣ, діакона при патриархѣ Іоакимѣ 2-мъ, великаго протосинкела митрополита Варискаго, затѣмъ Солунскаго. Избранію на патриаршій престоль онъ обязанъ, главнымъ образомъ, народу, который любилъ его за благолѣпное служеніе и высоко нравственную жизнь. Сдѣлавшись патриархомъ, онъ оправдалъ надежды, возлагавшіяся на него народомъ, хотя и возбудилъ противъ себя греческій Синодъ. Въ короткое время своего патриаршества онъ благоукрасилъ патриархію, поправилъ ея запущенныя финансовыя дѣла, возобновилъ при ней типографію, бібліотеку, завелъ при патриархѣ журналъ: „Церковная правда“, устроилъ духовную школу, поручилъ ученому, Мануилу Гедeonу, составить историческій каталогъ Константинопольскихъ патриарховъ, и пр. Въ то же время онъ строго преслѣдовалъ злоупотребленія среди духовенства и требовалъ во всемъ законности, чѣмъ и возбудилъ противъ себя неудовольствіе Синода, заставившаго его подать въ отставку, когда возникъ вопросъ о привилегіяхъ духовенства. По словамъ *Μαγουλά-α Γεδεον-α*, изъ книги котораго (*Πατριαρχειοι πίναξες* стр. 707—709) мы заимствовали краткія біографическія свѣдѣнія о патриархѣ Іоакимѣ, послѣдній лишился патриаршаго престола, потому что „захотѣлъ исправить непоправимыя дѣла греческой церкви“.

Жилище патриарха надъ самымъ моремъ и выглядитъ, благодаря окружающему его цвѣтнику, очень уютно. Помѣщеніе онъ занимаетъ небольшое, но изъ оконъ открывается такой чудный видъ на разстилающееся вдали безбрежное свѣтло-синее море, что онъ одинъ можетъ искупить всѣ другія неудобства. Патриархъ встрѣтилъ насъ очень ласково. Благословилъ, облобызалъ всѣхъ, усадилъ, угостилъ глико и кофе. Ему теперь 66 лѣтъ; онъ очень высокаго роста, сѣдой, съ строгимъ, благообразнымъ лицомъ; немного говоритъ по русски. Онъ интересовался тѣмъ, въ какихъ греческихъ мо-

настыряхъ мы были и какъ насъ тамъ принимали. Сказать, что скоро самъ собирается побхать въ Ильинскій скитъ, куда его приглашаютъ на закладку новаго храма, а оттуда проѣдетъ въ Андреевскій скитъ освящать новый соборъ во имя Андрея Первозваннаго. Жизнью на Аѳонѣ, здѣш-

Іоакимъ III, бывший Вселенскій Патріархъ (1878—84 г.), нынѣ вновь избранный.

нимъ уединеніемъ, располагающимъ къ созерцанію и Богомыслию, чудною природою и прекраснымъ климатомъ, Его Блаженство очень доволенъ. Вообще патріархъ — отшельникъ произвелъ на насъ неотразимое впечатлѣніе: своею представительною наружностію, великою силою духа, благодаря которой онъ, со всецѣлою покорностію волю Божию,

переносить свое невольное заточеніе вдали отъ суеты мірской. Образъ его никогда не изгладится изъ нашей памяти, вызывая въ ней сравненіе съ древними великими подвижниками...

Лишь только мы выѣхали отъ Патріарха, показался Иверскій монастырь, широко раскинувшійся по берегу моря. Сзади онъ окруженъ горами, покрытыми лѣсомъ и изрѣзанными ущельями. Надъ монастыремъ господствуетъ высокая башня. Иверскій монастырь—штатный. Въ порядкѣ аеонскихъ монастырей онъ занимаетъ третье мѣсто; его братство состоитъ изъ грековъ, которыхъ болѣе ста. Название же свое онъ получилъ отъ первыхъ насельниковъ, пришедшихъ сюда изъ земли Иверской, то-есть, грузинъ. Основаніе его приписываютъ знаменитому Иверскому полководцу Іоанну и сыну его Евфимію Варасваче, построившимъ при содѣйствіи грузинскаго царя, Давида Куропалата, монастырь и при немъ сначала небольшой храмъ во имя Предтечи Господня Іоанна, а затѣмъ великолѣпный соборъ, существующій и теперь, посвященный во имя Успенія Божіей Матери. Это было въ концѣ X вѣка. Послѣ этого монастырь былъ нѣсколько разъ разоряемъ, пока не поселились въ немъ греки, оспаривающіе теперь у грузинъ право на владѣніе монастыремъ. Послѣдніе же въ настоящее время поселились въ скиту Іоанна Предтечи, отстоящемъ отъ Ивера на разстояніи $\frac{1}{2}$ часа.

Преосвященнаго Иверскіе монахи встрѣтили съ почетомъ, свойственнымъ его сану. Въ соборѣ былъ отслуженъ краткій молебенъ, послѣ чего Владыка обратился къ инокамъ съ рѣчью, въ которой благодарилъ за пріемъ, оказанный ему и, между прочимъ, сказалъ, что Иверская обитель имѣетъ особенное значеніе и дорога для Русскихъ, потому что копія съ здѣшней чудотворной иконы Божіей Матери Вратарницы является наиболѣе почитаемою святынею въ Россіи и особенно въ Москвѣ, гдѣ она находится въ Иверской часовнѣ. Затѣмъ, приложившись къ вынесеннымъ на средину частицамъ мощей, которыхъ здѣсь очень много, осмотрѣли самый соборъ. Форму онъ имѣетъ крестообразную, большой и темный. Весь храмъ, два притвора, поддерживаемые 13-ю мраморными столбами росписаны новою живописью, среди которой по мѣстамъ уцѣлѣли остатки и прежней живописи. Изъ другихъ многочисленныхъ церквей монастыря заслуживаетъ

вниманія церковь надъ вратами монастыря, гдѣ находится мѣстная чудотворная икона, извѣстная подъ именемъ „Вратарницы“, потому что, по преданію, сама выразила желаніе находиться надъ вратами обители, сказавъ: „что-мя стужаете? не прійдохъ, да мя стяжете, но да стрегу вы“ (Барскій, 1 пут. 19 стр.) ¹⁾. Икона—очень темная; она въ великолѣпной ризѣ, усыпанной драгоценными камнями. Барскій, видѣвшій эту икону еще въ XVIII столѣтіи, такъ ее описываетъ: „икона, проименованная отъ древнихъ иноковъ Вратарница, зѣло ужасно зрачна, съ великими очесами, держащая на лѣвой рукѣ Христа Спасителя, очернѣлая же на лицѣ множества ради лѣтъ, обаче совершенно всю являющая тварь, покровенна же вся кромѣ лица среброкованною одеждою и кромѣ того унещрена многоцѣнными каменьями и монетами златыми“.

Изъ Ивера Преосвященный вмѣстѣ съ профессорами отправился съ визитомъ къ патриарху Іоакиму; мы же поджидали возвращенія ихъ въ Иверѣ. Въ это время искупались и слушали вечерню. Вечерня совершалась въ соборномъ храмѣ. Кромѣ служащаго и двухъ-трехъ пѣвчихъ иноковъ въ храмѣ никого не было. Вечерня совершалась обычнымъ порядкомъ. Насъ поразила здѣсь только та простота, съ какою держалъ себя служащій въ храмѣ іеромонахъ: онъ то снималъ эпитрахиль и вѣшалъ ее около царскихъ дверей, то снова надѣвалъ, то подходилъ къ намъ и обращалъ наше вниманіе на ту или другую картину на стѣнѣ или какую-нибудь особенность въ храмѣ. Во время кажденія онъ, держа за ручку кадила, имѣющую видъ небольшой чашки, подходилъ къ каждому изъ стоящихъ въ храмѣ и осѣнялъ его крестообразно. Патриарха, между тѣмъ, Владыка встрѣтилъ на дорогѣ. При этомъ оба слѣзли съ муловъ и братски облобызались. Затѣмъ Преосвященный представилъ Его Блаженству профессоровъ. Послѣ краткой бесѣды, снова сѣли на муловъ и возвратились обратно для слѣдованія въ Андреевскій скитъ. Патриархъ предложилъ Преосвященному ѣхать въ скитъ впередъ, обѣщаясь вскорѣ за нимъ прибыть.

¹⁾ Преданіе объ этой иконѣ см. въ книгѣ „Вышній Покровъ“, Дневникъ Студента-Паломника, Барскаго 2 пут. ст. 141—142.

Отказавшись отъ угощенія, которое приготовили было намъ монахи, мы присоединились къ первой компаніи и всѣ вмѣстѣ отправились далѣе въ Андреевскій скитъ. Ѣхать пришлось около часу по сравнительно хорошей дорогѣ. Образовалась большая кавалькада. Жара начинала спадать. Кругомъ ложились длинныя тѣни. Послѣдніе лучи заходящаго солнца догорали на темени горъ и верхушкахъ высокихъ кипарисовъ, каштановъ, комарневыхъ и другихъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ мы ѣхали.

Андреевцы издалека завидѣли приближающійся къ скиту кортежъ и на колокольнѣ раздался торжественный звонъ, разнесшійся далеко по окрестности. По прибытіи въ скитъ, Преосвященный былъ встрѣченъ въ святыхъ вратахъ съ подобающе ему честію и съ крестнымъ ходомъ прослѣдовалъ въ монастырскій храмъ, гдѣ, послѣ обычной при встрѣчахъ Архипастырей краткой литіи съ многолѣтіемъ, обратился къ инокамъ съ привѣтственно-назидательною рѣчью. Выказавъ благодарность за радушную встрѣчу и обративъ вниманіе на двѣтущее состояніе скита въ настоящее время, сравнительно съ тѣмъ, что онъ былъ въ 1883 году, когда Владыка посѣтилъ его въ первый разъ, будучи еще студентомъ Академіи, Преосвященный высказалъ, что особенно пріятное впечатлѣніе произвелъ на него величественный видъ новосозданнаго соборнаго храма. Такое процвѣтаніе обители Владыка призналъ знакомъ Божія благоволенія къ обители. Уже чувство благодарности къ Богу за такую милость Его, поучалъ Владыка, должно побуждать братію стараться болѣе всего объ украшеніи душъ христіанскими добродѣтелями. „Вашъ скитъ за свое прекрасное мѣстоположеніе прозывается „Серай“ (красивый дворецъ, — турецкое слово), и вполне справедливо. Я не знаю мѣста на всей Аѳонской горѣ болѣе красиваго. Но инока должна украшать красота не внѣшняя, а, главнымъ образомъ, внутренняя, красота духовная; поэтому старайтесь вполне оправдать названіе вашего скита; благоукрашайтесь внутренне вѣрою и добрыми дѣлами, и Богъ мира и любви пребудетъ съ вами и благословитъ вашу обитель дальнѣйшимъ процвѣтаніемъ“. На эту рѣчь настоятель скита архим. Іосифъ отвѣтилъ краткимъ словомъ благодаренія Преосвященному за его назидательное наставленіе. Изъ собора прошли въ

архондарикъ, большой и изящный залъ, увѣшанный портретами, видами, и украшенный громадными, искусственно вырощенными лимонами въ вазахъ и графинахъ. Здѣсь мы были представлены настоятелю скита архим. Іосифу. Настоятелемъ состоитъ о. Іосифъ 9 лѣтъ; онъ—четвертый по времени игумень скита; живетъ въ немъ съ юношескихъ лѣтъ; родомъ изъ крестьянъ Ярославской губерніи, Углич. у. Онъ замѣчательный строитель и скитъ немало обязанъ ему своимъ внутреннимъ и вѣшнимъ благоустройствомъ и благоуукрашеніемъ.

Вскорѣ прибылъ въ скитъ и патріархъ Іоакимъ III-й, которому тоже оказана была торжественная встрѣча.

15-е Іюня. Четвергъ.—Въ Андреевскомъ и Ильинскомъ скитахъ.

Утромъ Преосвященный вмѣстѣ съ мѣстнымъ и соупствовавшимъ ему духовенствомъ и съ архидіакономъ Троицкой Лавры Димитріаномъ служилъ Божественную литургію въ Андреевскомъ скиту. За богослуженіемъ присутствовали патріархъ Іоакимъ, слѣдившій съ особеннымъ вниманіемъ за русскимъ архіерейскимъ богослуженіемъ, всѣ монахи Андреевскаго скита, много каливитовъ, не только русскихъ, но и грековъ, и богомольцы, собравшіеся на торжество освященія храма. Пѣвчими, непривычными къ архіерейскому служенію, управлялъ одинъ изъ студентовъ.

Послѣ богослуженія, познакомились со скитомъ. Андреевскій скитъ еще очень молодъ: онъ только въ прошломъ году справлялъ пятидесятилѣтіе своего существованія. Но не смотря на свою молодость, онъ благоустроеннѣе и богаче многихъ даже греческихъ монастырей. Въ настоящее время въ немъ до 500 человекъ иноковъ, онъ имѣетъ богатые метохіи (дачи) и подворья во многихъ городахъ. Начало существованія скита собственно относится въ 49 году текущаго столѣтія, а русскіе поселились въ немъ лишь съ 41 года; но иноческая келлія существовала здѣсь и ранѣе. Еще въ половинѣ 17-го вѣка, вселенскій патріархъ Аванасій Пателарій, мощи котораго находятся въ Лубенскомъ Полтавскомъ монастырѣ, гдѣ онъ скончался, возвращаясь изъ Россіи на Аѳонъ, въ 1654 году, устроилъ для себя на землѣ

Ватопедскаго монастыря — келлію. Эту келлію, спустя сто лѣтъ, приобрѣлъ другой вселенскій патріархъ Серафимъ, скончавшійся во время пребыванія въ Россіи въ томъ-же монастырѣ. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія (въ 41 году) двое русскихъ иноковъ, Варсонофій и Виссаріонъ, купили у Ватопеда заброшенную по смерти Серафима келлію, названную за свое красивое мѣстоположеніе: Серай. Но процвѣтать Серай началъ послѣ того, какъ благодаря участію путешественника по Аѳону А. Н. Муравьева, Ватопедскій монастырь согласился дать келліи права скитовъ, которые по Аѳонскому уставу находятся въ гораздо меньшей зависимости отъ монастыря, на землѣ котораго они находятся, а главное, не могутъ быть, подобно келліи, проданы, или переданы другому лицу, вопреки желанію братіи. Андреевскій скитъ не напрасно называется сераемъ. Мѣстоположеніе его очень живописно. Серай, говоритъ совершенно справедливо

. Н. Муравьевъ, пробывшій здѣсь около 6-ти недѣль, расположенъ чрезвычайно красиво, едва-ли не на самомъ лучшемъ мѣстѣ св. горы, близъ Корей, центра правленія этой монашеской области, на склонѣ восточнаго берега, гдѣ почва славится плодородіемъ и роскошью растительности. Воздухъ, составляя среднее между горнымъ и приморскимъ, днемъ не имѣетъ рѣзкости и духоты, свойственной южному климату, а ночью—пронзительной сырости, чувствительной на Аѳонѣ. До моря отсюда не болѣе часа пути и виды кругомъ самые восхитительныя: мѣстность за келлію серайскою на западъ и на югозападъ поднимается на гору; съ высоты террасъ и балконовъ глазъ и душа съ истиннымъ наслажденіемъ могутъ созерцать, въ какомъ неописуемомъ величій восходитъ солнце изъ синихъ волнъ Егейскаго моря, освѣщая золотыми лучами окраины острововъ Тассо, Имбро, Самоѳраки и Лемноса. По склону разсѣяны бѣлыя калпы и келліи пустынниковъ, то скрывающіяся въ зелени окружающихъ деревьевъ, то живописно выглядывающія изъ нихъ. На югѣ высится къ небу, въ свѣтломъ вѣнцѣ изъ облаковъ, шпиль св. горы, видимый во всемъ великолѣпнѣй вдавшемся въ пучину морскую отъ самой подошвы и до заоблачной выси.

Скитъ, не смотря на то, что недавно существуетъ, обстроень превосходно, благодаря энергіи своихъ настоятелей,

преимущественно о. Феодорита и теперешняго архимандрита Іосифа и богатымъ денежнымъ пожертвованіямъ, притекающимъ сюда изъ Россіи, среди которыхъ далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ и пожертвованіе одного русскаго милліонера, владѣльца крупнѣйшихъ золотыхъ приисковъ въ Сибири Сибирякова, нынѣ іеросхимонаха Иннокентія, спасающагося здѣсь, въ скиту. Всѣ постройки скита—въ нѣсколько этажей (5—6) и выстроены очень прочно, въ виду повторяющихся здѣсь время отъ времени землетрясеній. Кромѣ 13-ти храмовъ, здѣсь много корпусовъ для братіи и для посѣтителей, большія мастерскія и другія хозяйственныя постройки. Строится также теперь и громадное зданіе для новой больницы, гдѣ найдутъ пріютъ больные со всего Аѳона. Кругомъ обители разведены огороды, виноградники и сады, гдѣ созрѣваютъ плоды смоковницы, яблоки, груши, персики, орѣхи, смородина, крыжовникъ, малина и пр. Все это придаетъ обители уютный жизнерадостный видъ. Изъ святины скита особеннымъ почитаніемъ пользуется здѣсь чудотворная икона Божіей Матери: „Въ скорбѣхъ и печалѣхъ утѣшеніе“, прославившаяся чудесами во время посѣщенія Россіи въ 1863, 1879 и 1882 годахъ, когда архим. Феодоритъ, бывшій настоятель монастыря, пріѣзжалъ сюда за сборомъ пожертвованій на новостроющійся храмъ и благоуукрашеніе обители. Самая чудотворная икона въ настоящее время находится въ Петербургѣ на Андреевскомъ подворьѣ, въ Благовѣщенскомъ храмѣ; въ соборномъ же храмѣ скита есть лишь копія съ нея. Лицо Божіей Матери на этой иконѣ обращаетъ на себя вниманіе своимъ грустнымъ сосредоточеннымъ выраженіемъ.

Послѣ обѣда всѣ вмѣстѣ на мулахъ отправились въ Ильинскій скитъ на торжество закладки новаго храма, сдѣлавъ небольшой крюкъ на Карею, отстоящую въ 15 минутахъ отъ Андреевскаго скита.

Карей находится въ самомъ центрѣ св. горы. Монахи называютъ ее городомъ, но весь городъ этотъ состоитъ изъ двухъ узкихъ пересѣкающихся улицъ, наполненныхъ убогими лавками. Здѣсь же находится небольшое зданіе Протата, въ которомъ засѣдаютъ представители 20 монастырей, соборный, старинный храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и домъ, въ которомъ живетъ представитель турецкой власти

на Аѳонѣ—каймаканъ вмѣстѣ съ полицейскими и таможенными чиновниками. Въ лавкахъ Карей торгуютъ и монахи, и прѣзжіе торговцы изъ Македоніи; первые—собственными издѣліями: крестами, четками и т. п. вещами, которыя, къ слову сказать, продаютъ очень дорого; вторые — разными предметами, необходимыми въ монашескомъ обиходѣ. Но значеніе Карей для святой горы заключается не въ этомъ, а въ томъ, что она является центромъ монашескаго управленія на Аѳонѣ. Представитель турецкой власти на Аѳонѣ не имѣетъ почти никакого значенія; вся его власть надъ святою горою ограничивается собираніемъ съ монастырей подати въ пользу турецкаго правительства; дѣйствительное же управленіе св. горою сосредоточено въ рукахъ самихъ монаховъ, составляющихъ Протать (*πρότος*, — первый). Протать — это общее судилище св. горы, гдѣ разбираются всѣ дѣла, касающіяся личной собственности, жалобы монаховъ; чрезъ него же объявляются аѳонитамъ предписанія Порты и Константинопольскаго патріарха. Въ древнее время, до св. Аѳанасія, въ Карей былъ скитъ, отъ котораго зависѣли 180 малыхъ обителей, разбѣянныхъ по всей горѣ Аѳонской и управлявшихся своими игуменами. Игумень, стоявшій во главѣ Карейскаго скита, назывался „Протосъ“ (первый) и былъ какъ бы игуменомъ надъ игуменами, а его скитъ—скитомъ надъ скитами. Такой порядокъ управленія св. горы сохранился и тогда, когда св. Аѳанасій устроилъ первую киновію и по ея образцу стали устраиваться почти одновременно съ нею и другія киновіи; всѣ они подчинялись Лаврѣ Карейской и ея игумену.

Патріархи Константинопольскіе изъ уваженія къ св. горѣ не касались ея уставовъ и не подчиняли ее какому нибудь изъ сосѣднихъ епископовъ и митрополитовъ. Завися отъ Константинопольскаго патріарха въ каноническомъ отношеніи, всѣ аѳонскіе монастыри являются ставропигіальными. Турки, завладѣвъ Аѳономъ, также не касались правъ св. горы и ея внутренняго управленія. Ни одинъ изъ храмовъ св. горы не былъ обращенъ ими въ мечеть; они довольствовались только налогами на монастыри, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ должны были закрыться. Въ это время закрылась и Лавра Карейская, игумень которой, подъ именемъ Прота, управлялъ св. горою. Но съ закрытіемъ Лавры, Карей не утра-

тила своего значенія. Въ Кареѣ образовалось общее собраніе представителей отъ всѣхъ Аѳонскихъ монастырей—Протатъ или Киноть. Послѣдній управляетъ всѣми дѣлами, касающимися внутренней жизни всѣхъ монастырей и монаховъ св. горы. Онъ состоитъ изъ двадцати представителей Аѳонскихъ монастырей—антипросоповъ, избираемыхъ каждымъ монастыремъ изъ опытныхъ въ духовной жизни старцевъ. Рѣшенія Протата окончательны и не подлежатъ обжалованію у патріарха. При этомъ представители отдѣльныхъ монастырей не имѣютъ одинаковаго значенія. Рѣшеніе зависитъ не отъ большинства голосовъ, а отъ согласія представителей 4-хъ первыхъ монастырей: Лавры, Ватопеда, Ивера и Хиландаря.

Въ Кареѣ мы прежде всего отправились въ соборъ, гдѣ торжественно встрѣтили Владыку антипросопы, большею частію, почтенные старцы. Одинъ изъ нихъ привѣтствовалъ Его рѣчью на греческомъ языкѣ, на которую Владыка отвѣчалъ по русски. Приложившись къ иконамъ, осмотрѣли соборъ, построенный, по преданію, впервые Константиномъ Великимъ, въ 335 году. Но если это преданіе и справедливо, то несомнѣнно, что отъ древняго собора Константина не сохранилось ничего, такъ какъ Карейскій соборъ неоднократно разрушался и возстановлялся снова. Однако онъ заслуживаетъ вниманія самъ по себѣ. Внѣшнимъ видомъ онъ не походитъ на другіе Аѳонскіе храмы. Онъ имѣетъ форму базилики съ четырьмя большими четырехугольными столбами и остроконечною деревянною крышею. Внутри очень запущенъ и содержится крайне неряшливо. Замѣчательнъ соборъ тѣмъ, что въ немъ сохранились остатки живописи, принадлежащей кисти византійскаго Рафаэля-Панселина. Панселинъ — это полуисторическая, полу—миѳическая личность, и даже трудно установить точно, когда онъ жилъ; несомнѣнно одно, что тотъ живописецъ, которому приписываютъ сохранившуюся въ Ватопедѣ и Кареѣ живопись, былъ замѣчательнымъ художникомъ. Необыкновенно древняя, вся почеркѣвшая отъ сырости живопись до сихъ поръ поражаетъ своею жизненностью и выразительностью. Она сохранилась на западныхъ столбахъ и кое-гдѣ въ другихъ мѣстахъ храма. Въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ находится еще очень древняя икона Божіей Матери, называемая: „Достойно есть“, по-

тому что передъ этою иконою явился однажды одному иноку ангель, повелѣвшій славить Богоматерь пѣснью: Достоинство есть... въ то время (до X-го вѣка), когда эта пѣснь, воспѣтая отцами 3-го вселенскаго собора, законоположившими величать Пресвятую Дѣву Марію Богородицею, еще не была принята всѣми и не вошла въ составъ богослуженія. Изъ собора прошли въ зданіе Протата, гдѣ антипросопы угостили насъ глико и кофе.

Изъ Карен по сравнительно хорошей дорогѣ отправились въ Ильинскій скитъ на закладку новаго храма. Этотъ храмъ, не начинавшійся еще строиться, уже имѣетъ свою довольно длинную исторію, характеризующую современныя отношенія русскихъ и грековъ на Аѳонѣ. Самая закладка храма совершается уже второй разъ. Въ первый разъ съ большою торжественностью совершена была закладка храма 22 Іюля 1881 года, почти 20-ть лѣтъ тому назадъ. Въ это время посѣтила берега Аѳона Великая Княгиня (впослѣдствіи инокиня) Александра Петровна; ей на пароходѣ представился настоятель Ильинскаго скита о. Товія, просившій ее положить первый камень въ основаніе новаго храма. Великая Княгиня согласилась и 22 Іюля камень съ соотвѣтствующею надписью прислала съ контръ-адмираломъ Головачевымъ, которому поручила положить его въ основаніе новаго храма отъ Ея имени. Торжественная закладка была совершена и былъ составленъ планъ собора, подписанный Вселенскимъ патріархомъ Іоакимомъ III-мъ и бывшимъ въ 1881-мъ году на Аѳонѣ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Но съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени не приступали къ постройкѣ храма въ виду того, что на это не давали разрѣшенія монахи Пантократорскаго монастыря, въ зависимости отъ котораго находится Ильинскій скитъ, какъ построенный на землѣ, принадлежащей монастырю. Между Пантократорцами и Ильинцами—старинная вражда. Еще въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія Пантократорцы, воспользовавшись внутренними несогласіями въ скиту, отняли у него важные историческіе документы, особенно, султанскій фирманъ и условіе, заключенное Пантократоромъ со старцемъ Аѳанасіемъ въ 1798-омъ году, дававшее Ильинцамъ свободу и независимость и право на владѣніе землею. Пользуясь этимъ, Пантократорцы стали сильно тѣснить Ильинцевъ и

не давали имъ строить новый соборъ, употребляя для этого всевозможныя мѣры. Начался процессъ, который тянулся десять лѣтъ и окончился въ пользу Ильинскаго скита. Въ 93—95 годахъ нынѣшній игумень скита Гавріиль, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, ѣздилъ по Россіи съ чудотворною иконою Божіей Матери „Млекопитательницы“ для сбора пожертвованій, послѣ чего началась подготовка къ постройкѣ новаго храма. На торжество вторичной закладки Ильинцы пригласили русскаго посла въ Константинополь И. А. Зиновьева, пріѣхавшаго на Аѳонъ, по просьбѣ Андреевцевъ, присутствовать на освященіи ихъ новаго храма.

День 15-го Іюня былъ праздничнымъ днемъ для Ильинскаго скита. Въ полдень прибылъ сюда сначала бывшій Вселенскій патріархъ Іоакимъ III, которому была устроена торжественная встрѣча. Затѣмъ черезъ полчаса, вторично уже, преосвященный Арсеній вмѣстѣ съ нами, а затѣмъ и посоль И. А. Зиновьевъ съ членами посольства. Послѣ этого тотчасъ началось торжество закладки храма. Обрядъ закладки совершалъ преосвященный Арсеній въ сослуженіи сопутствовавшаго ему и мѣстнаго духовенства на мѣстѣ, предназначенномъ къ постройкѣ новаго храма. Когда наступило время водруженія креста на мѣстѣ будущаго святаго престола, тогда Патріархъ облачился въ мантию и прочиталъ положенную молитву по гречески. Онъ же первый положилъ камень въ основаніе ново-строющагося зданія, затѣмъ преосвященный Арсеній, посоль Зиновьевъ, эпитропъ Пантократорскаго скита архимандритъ Теофилъ, настоятель скита архим. Гавріиль и другіе почетные гости. По окончаніи обряда, Преосвященный обратился къ инокамъ съ рѣчью. Указавъ сначала на тѣ особенныя обстоятельства, при которыхъ ему, русскому Архіерею, пришлось совершить это рѣдкое торжество въ присутствіи святителя греческой Церкви, бывшаго Вселенскаго патріарха Іоакима III-го, и представителя русскаго Государя при Оттоманской Портѣ посла И. А. Зиновьева, и изложивъ кратко исторію первой закладки храма, Преосвященный затѣмъ въ своей рѣчи раскрылъ параллель между постройкою храма *вещественнаго и духовнаго*.

По окончаніи торжества, всѣ присутствовавшіе отправились снова въ Андреевскій скитъ.

Этотъ переѣздъ былъ очень оригиналенъ. Впереди на прекрасныхъ лошадяхъ, сопровождаемые монахами, ѣхали Преосвященный и посолъ Зиновьевъ; за ними мы вмѣстѣ съ членами и чиновниками посольства на мулахъ, въ сопровожденіи погонщиковъ и кавасовъ въ красивыхъ національныхъ костюмахъ (фустанелахъ). Такъ какъ по узкимъ аеонскимъ тропинкамъ рядомъ двоимъ невозможно ѣхать, то наша кавалькада растянулась на громадное разстояніе. Во встрѣчавшихся по пути келліяхъ при нашемъ проѣздѣ звонили, а иноки выходили къ воротамъ обители для встрѣчи Преосвященнаго и посла, въ облаченіяхъ и съ иконами. Въ Андреевскій скитъ мы вернулись около шести часовъ вечера. Вскорѣ затѣмъ сюда пріѣхалъ съ своими офицерами контръ-адмиралъ А. А. Бирилевъ, помощникъ начальника Средиземной эскадры, командированный на Аеонъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, заложившимъ новый храмъ и считающимся августѣйшимъ ктиторомъ его. Андреевцы приглашали самого Великаго Князя; не имѣя возможности самъ присутствовать на освященіи, онъ прислалъ въ качествѣ своего представителя контръ-адмирала Бирилева. Послѣдняго андреевцы встрѣтили очень торжественно: съ крестнымъ ходомъ у воротъ обители и колокольнымъ звономъ. Послѣ того какъ собрались всѣ почетные гости, былъ предложенъ ужинъ, а затѣмъ началось всенощное бдѣніе.

Всенощное бдѣніе, начавшееся въ 9-ть часовъ вечера, продолжалось до 5-ти часовъ утра. Стеченіе народа на бдѣніи было слишкомъ большое, такъ что не только обширный по размѣрамъ новосозданный храмъ былъ полонъ молящихся, но и внѣ храма на скитскомъ дворѣ было много богомольцевъ — посѣтителей, пустынножителей аеонскихъ. Всенощное бдѣніе совершалось по обычному чиноположенію аеонскому весьма торжественно, безъ всякихъ пропусковъ. Служба отправлялась обновленію храма съ добавленіемъ стихиръ св. Апостолу Андрею Первозванному. Во время бдѣнія патріархъ Іоакимъ стоялъ въ главной стасидіи, въ мантии, съ правой стороны, а Преосвященный—въ стасидіи, съ лѣвой стороны. Съ большою выразительностію и чувствомъ прочиталъ Патріархъ шестопсалміе наизусть. Снаружи храмъ былъ красиво иллюминированъ разноцвѣтными огнями, ярко

освѣщавшими прозрачныя священныя изображенія, которыми были украшенъ храмъ. Высоко на колокольнѣ красовался прозрачный щитъ, освѣщенный также огнями, съ изображеніемъ двуглаваго орла и инициаловъ имени Его Императорскаго Высочества Алексія Александровича. Всенощная окончилась уже при яркомъ утреннемъ свѣтѣ. Торжественный возгласъ: *слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ* совершенно гармонировалъ съ разлитымъ вокругъ свѣтомъ отъ солнца, широко и ярко уже озарявшаго своими лучами святую гору. Не всѣ могли выстоять такое длинное, ночное моленіе. Большинство выходило изъ храма отдыхать въ номера, и потомъ снова возвращались. Но во всѣхъ оно несомнѣнно оставило неизгладимое впечатлѣніе. Продолжительность бдѣнія и естественная усталость какъ будто и не замѣчаются, или по крайней мѣрѣ какъ бы сокращаются и ослабляются тѣмъ чередованіемъ въ освѣщеніи, въ пѣніи и чтеніи, которое на Аѳонѣ производится съ такою красотою и выразительностью.....

16-е Іюня. Пятница. Въ Андреевскомъ скиту и возвращеніе въ Пантелеймоновскій монастырь.

День многознаменательный въ жизни Андреевскаго скита. Въ этотъ день съ небывалою на Аѳонѣ торжественностью освященъ новый храмъ, которымъ справедливо гордятся Андреевцы и который, говорятъ, по величинѣ, красотѣ и богатству является лучшимъ храмомъ на всемъ Аѳонѣ, гдѣ существуетъ въ русскихъ и греческихъ обителяхъ нѣсколько сотъ храмовъ. Новый храмъ посвященъ имени святаго Апостола Андрея Первозваннаго съ придѣлами въ честь святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго и св. равноапостольныя Маріи Магдалины. Первый камень въ его основаніе былъ положенъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ во время пребыванія его на святой горѣ, 33 года тому назадъ, 16-го Іюня, 1867 года, въ память спасенія жизни Августѣйшаго родителя его, въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, отъ злодѣйскаго покушенія въ Парижѣ. Но началъ строиться храмъ только съ 1881-го года,

такъ какъ у иноковъ не доставало средствъ на постройку. Въ 1879 и 1882 годахъ игуменъ Андреевскаго скита о. Теодоритъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, производилъ сборъ пожертвованій съ иконою „въ скорбѣхъ и печалѣхъ“ въ Россіи. Послѣ этого явилась возможность начать постройку храма, фундаментъ котораго въ настоятельство о. Теодорита былъ доведенъ съ основанія до уровня земли. Затѣмъ постройка пріостановилась, и возобновилась въ 1893 году при нынѣшнемъ настоятелѣ архимандритѣ Іосифѣ, благодаря изысканнымъ имъ средствамъ и щедрымъ пожертвованіямъ упомянутаго Сибирякова. Постройка храма производилась нанятыми въ Константинополь мастерами, при участіи всей монашеской братіи, кромѣ болящихъ и престарѣлыхъ, подъ наблюденіемъ Константинопольскаго архитектора—практика Гкочо, по плану С.-Петербургскаго профессора архитектора Шурупова. По словамъ иноковъ, стоимость новаго собора доходитъ до 2 милліоновъ рублей. И не удивительно. Онъ почти весь сдѣланъ изъ мѣстнаго мрамора двухъ цвѣтовъ: бѣлаго и сѣраго; въ виду повторяющихся на Аѳонѣ землетрясеній, соборъ выстроенъ нарочито прочно, отчего сваружи зданіе кажется тяжелымъ и неуклюжимъ. Толщина его стѣнъ въ основаніи достигаетъ до 3-хъ сажень. Въ вышину храмъ имѣетъ 19 сажень, длина его равняется слишкомъ 30 саженямъ, а ширина—15 саженямъ. Надъ соборомъ красуются 8-мь куполовъ, обложенныхъ мѣдью и выкрашенныхъ зеленою масляною краскою; главы, яблоки и кресты вызолочены. Въ связи съ храмомъ возвышается колокольня, на которой около 20-ти большихъ и малыхъ колоколовъ. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ колоколъ въ 300 пудовъ, пожертвованный въ скитъ покойною Императрицею Марією Александровною. На колокольнѣ-же устроены превосходные башенные часы, которые выбиваютъ, съ помощью колоколовъ, часы, получасы и четверти. Внутри соборъ, благодаря хорамъ, очень помѣстителенъ и буквально весь залитъ свѣтомъ. Куполь поддерживаютъ громадныя столбы, между которыми спускается сверху громадное красивое паникадило. Иконостасъ сплошь вызолоченъ и съ разными красивыми колоннами. Всѣ стѣны и иконостасъ росписаны художниками-иконописцами А. Тронинымъ и Кортневымъ, и роспись производитъ очень пріятное впечатлѣніе.

Торжество освященія храма началось въ 7 часовъ утра, когда раздался благовѣстъ для крестнаго хода. Всѣ священнослужители, посоль Н. А. Зиновьевъ и члены посольства: Ю. И. Щербачевъ, П. В. Максимовъ, А. И. Щербацкій, адмиралъ А. А. Бирилевъ и офицеры въ парадной формѣ, и другіе почетные части прибыли въ храмъ Божіей Матери, бывшій доселѣ соборнымъ. Вскорѣ прибыли и оба Архипастыря—патріархъ Іоакимъ и епископъ Арсеній, причемъ Патріархъ встрѣченъ былъ „со славою“. По облаченіи въ благолѣпныя одежды Архипастырей и священнослужителей, въ числѣ которыхъ были 10-ть антипросоповъ Священнаго Протата, начался торжественный крестный ходъ, направившійся изъ Богородичной церкви вокругъ новосозданнаго храма. Величественное зрѣлище представлялъ этотъ крестный ходъ! Впереди всѣхъ шли хоругвеносцы изъ братіи обители, несшіе 8 паръ хоругвей, за ними несены были св. иконы и кресты; потомъ слѣдовали священнослужители, по два въ рядъ, числомъ до 120 человекъ, въ бѣлыхъ блестящихъ облаченіяхъ; ряды ихъ замыкали два Архипастыря. Три раза совершенно было обхожденіе вокругъ новосозданнаго храма, съ остановками каждый разъ предъ западными дверями его, гдѣ произносилась ектенія и совершалось освѣненіе народа св. мощами на четыре стороны и чтеніе Евангелія. Во время перваго обхожденія несъ на головѣ ковчежець съ мощами Святѣйшій Патріархъ Іоакимъ, во время втораго обхожденія—Преосвященный Арсеній, во время третьяго обхожденія—Настоятель скита архим. Іосифъ. Крестный ходъ закончился положеннымъ по уставу молитвословіемъ предъ закрытыми дверями новосозданнаго храма, послѣ чего при торжественно-умилительномъ пѣніи вошли въ соборъ и началось освященіе его, совершенное совмѣстно обоими Архипастырями при протодіаконѣ Троицкой Лавры Димитріанѣ. Положенныя молитвы читались попеременно Патріархомъ—по гречески и Преосвященнымъ—по русски. По окончаніи освященія, преосвященный Арсеній сказалъ приличное торжеству поучительное слово. Возблагодаривъ въ началѣ Господа, сподобившаго его неожиданно быть участникомъ освященія величественнаго храма на Аѳонѣ, похваливъ усердіе храмосоздателей, Преосвященный затѣмъ подробно остановился на раскрытіи задачъ монашеской жизни вообще и

аѳонской—въ частности. Въ заключеніе, сказавъ о томъ, что охраной иноковъ служатъ не одни прочныя зданія и крѣпкія стѣны, а благодать Божія, убѣждалъ болѣе всего заботиться о стяжаніи этого небеснаго дара и жить достойно своего званія, во славу Божию и спасеніе свое.

Послѣ этого совершена была въ новоосвященномъ храмѣ первая литургія обоими Архипастырями въ сослуженіи многочисленнаго сонма священнослужителей, около ста чловѣкъ, причѣмъ первенствовали среди нихъ представитель Ватопедскаго монастыря, въ зависимости отъ котораго находится Андреевскій скитъ. Нѣкоторые возгласы произнесены были Патріархомъ по русски. Литургія окончилась въ 2 часа.

Послѣ литургіи всѣмъ присутствовавшимъ на торжествѣ гостямъ была предложена гостепріимнымъ монастыремъ обильная и разнообразная трапеза. За трапезою предсѣдательское мѣсто занималъ Патріархъ, около него сидѣлъ съ правой стороны посоль И. А. Зиновьевъ, съ лѣвой—адмиралъ Бирцлевъ; противъ Патріарха сидѣлъ преосвященный Арсеній, около него настоятель монастыря архимандритъ Іосифъ и представитель Ватопедскаго монастыря. Въ концѣ трапезы былъ произнесенъ цѣлый рядъ рѣчей, относящихся къ совершившемуся торжеству. Первымъ говорилъ посоль Зиновьевъ, предложившій тостъ за Августѣйшаго покровителя обители, Великаго Князя Сергія Александровича, за патріарха Іоакима и процвѣтаніе обители. Затѣмъ говорилъ патріархъ Іоакимъ 3-й. Его рѣчь, сказанная по гречески, была переведена драгоманомъ посольства Щербацкимъ на русскій языкъ. „Я, началъ патріархъ, вообще противъ рѣчей за монастырскою трапезою, но въ виду нынѣшняго торжественнаго дня позволяю себѣ сдѣлать исключеніе. Этотъ день, который празднуемъ всѣ мы, сотрапезующіе здѣсь, является радостнымъ, свѣтлымъ моментомъ въ 50-ти лѣтней жизни Андреевскаго скита. Въ этотъ моментъ онъ долженъ молитвенно вспомнить о всѣхъ тѣхъ, кто оказывалъ ему за его 50-ти лѣтнее существованіе поддержку и благорасположеніе. И прежде всего, такая благодарность относится къ Ватопедскому монастырю, въ зависимости отъ котораго находится скитъ, обязанный ему своимъ благоустройствомъ. Затѣмъ съ благодарностію онъ долженъ вспомнить и о русскомъ Правительствѣ, оказывавшемъ всегда милостивую под-

держку обители“. Послѣ Патріарха длинную рѣчь сказать адмираль Бирилевъ. „Я получилъ здѣсь, говорилъ съ большимъ одушевленіемъ, между прочимъ, Бирилевъ, полное удовлетвореніе, какъ христіанинъ и какъ гражданинъ. Какъ христіанинъ, я удовлетворенъ великолѣпіемъ и благолѣпіемъ церковнаго служенія; какъ гражданинъ, я удовлетворенъ тѣмъ, что еще разъ убѣдился въ великой нравственной силѣ моей великой родины. Наблюдая Аѳонскіе русскіе монастыри, я убѣдился, что куда бы судьба не забросила русскаго человека, онъ всюду остается русскимъ; всюду приносить съ собою свойственную ему энергію и жизнедѣятельность; объ этомъ свидѣтельствуется колоссальное зданіе новаго храма, воздвигнутое небольшою кучкою людей, находящихся далеко отъ родины подъ властью чужеземнаго правительства“. Въ заключеніе А. А. Бирилевъ провозгласилъ цѣлый рядъ то-стовъ: за здоровье Августѣйшаго ктитора храма Алексѣя Александровича, Патріарха, Посла, преосвященнаго Арсенія, архимандрита Іосифа, представителей Ватопедскаго монастыря, и другихъ. (Послѣднимъ говорилъ настоятель скита архимандритъ Іосифъ, благодарившій всѣхъ за то, что своимъ присутвіемъ усугубили торжество скита Такъ закончилось русское церковное торжество освященія новаго храма, оставившее въ сердцахъ участниковъ его и присутствовавшихъ на немъ неизгладимое впечатлѣніе ¹⁾).

¹⁾ Интересно отмѣтить, какую окраску получили эти церковныя торжества закладки и освященія храма въ корреспонденціяхъ нѣкоторыхъ аѳонскихъ шовинистическихъ газетъ, которыя намъ нѣсколько времени спустя случайно пришлось прочитать. Въ писаніяхъ слишкомъ провицательныхъ корреспондентовъ эти торжества явились чѣмъ-то въ родѣ политической демонстраціи, враждебной еллизизму и направленной противъ него. Въ нихъ досталось прежде всего патріарху Іоакиму, принявшему участіе въ этихъ торжествахъ, и притомъ виѣсть съ русскимъ Архіереемъ, досталось также и Андреевцамъ за невниманіе, которое будто они явили къ представителямъ греческихъ Аѳонскихъ монастырей; сдѣланы также вылазки и противъ другихъ лицъ. Мы приводимъ здѣсь, безъ всякихъ комментариевъ, въ переводѣ двѣ характерныя корреспонденціи.

Въ Греческой аѳонской газетѣ *‘Αυτί’* (Борьба), въ корреспонденціи отъ 30-го іюня, 1900 года, читаемъ:

„Бывшій Вселенскій Патріархъ Іоакимъ III-й первенствовалъ при введеніи совершенія освященія собора русскаго Андреевскаго скита на Святой горѣ. Было - ли это дѣломъ необходимости по церковнымъ правиламъ? Облеченъ-ли Іоакимъ III-й какими вибудь официальными полно-

Вскорѣ послѣ обѣда, простившись съ Андреевскимъ скитомъ, мы на мулахъ отправились въ Пантелеймоновскій

моціями, въ силу которыхъ овъ не могъ уклониться отъ выраженія общепринятыхъ дружелюбныхъ приличій? Ни того, ни другого нѣтъ, а есть тутъ, значитъ, что либо особенное. Но исторія его патріаршества должна бы удержать его, бывшаго верховнаго правителя еллинской церкви, отъ благословенія своими руками того дѣла, назначеніе котораго очевидно направлено не для укрѣпленія еллинскаго православія, а напротивъ—для поработенія и даже для совершеннаго уничтоженія его. Горько было бы и тогда, если бы дѣло казалось только простого епископа; но чрезвычайно досадно, что мужъ высокаго положенія и достоинства Іоакимъ Ш-й предстоителствуетъ на праздникъ, блескъ котораго освѣщаетъ развалины еллинскихъ надеждъ и помрачаются справедливейшія еллинскія желанія. Невозможность воевать намъ противъ непримиримыхъ враговъ нашихъ находитъ совершенно справедливое оправданіе свое въ нашемъ матеріальномъ безсиліи; но подкрѣпленіе ихъ самымъ дѣломъ является дѣломъ постыднымъ и достойнымъ поруганія. Забылъ Іоакимъ Ш-й подозрѣнія противъ него большой партіи еллинской націи и не понялъ въ тотъ часъ, когда своими патріаршескими руками благословлялъ русское дѣло, какое это произведетъ впечатлѣніе въ простомъ народѣ Македонцевъ, по отношенію къ которымъ одна изъ первыхъ обязанностей каждаго еллина—открыть глаза, что Русскіе для еллиновъ являются самыми непримиримыми врагами и что Турки предъ Русскими для еллинскаго народа являются наилучшими изъ друзей его.*

Другая корреспонденція газеты „*Evros*“, отъ 3-го іюля, изъ Салоникъ, озаглавлена:

„Торжества на Аѳонѣ.“

Адмираль Бирилевъ провозгласилъ Іоакима Ш-го Русскимъ Патріархомъ*.

Въ ней между прочимъ читаемъ:

„Торжества освященія храма русскаго Андреевскаго скита на Святой горѣ дали поводъ къ возникновенію довольно многихъ эпизодовъ: всѣ эти эпизоды весьма выразительно говорили съ одной стороны, о расположеніи къ намъ русскіихъ, и съ другой — о нашемъ собственномъ неблагодаруміи.“

Во первыхъ, въ день прибытія на Аѳонъ русскаго посла, предсѣдатель Кинота Матѳей (Лаврскій) искалъ гостепримства въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, чтобы имѣть возможность во время привѣтствовать отъ имени всей Святой горы посла, имѣвшаго остановиться въ этомъ монастырѣ. Однако ему было объявлено, что всѣ помѣщенія заняты.

Послѣ обряда закладки русскаго храма въ русскомъ скитѣ Пророка Іліи, русскій посолъ, удалившись въ одну изъ комнатъ, подъ предлогомъ усталости, обѣдалъ отдѣльно, оставивъ Патріарха обѣдать вмѣстѣ съ остальнымъ собраніемъ.

Патріархъ и русскій Викарный Епископъ Арсеній служили литургію оба въ митрахъ, противъ принятыхъ у насъ обычаевъ.

монастырь черезъ нагорный Руссикъ. Кортёжъ нашъ былъ довольно великъ. Впереди ѣхалъ въ сопровожденіи монаховъ Преосвященный, затѣмъ мы вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками посольства и офицерами (другіе—отправились въ Пантелеймоновскій монастырь, черезъ Карюю). Дорога между Андреевскимъ скитомъ и Руссикомъ настолько хороша, что можно было ѣхать почти все время рысью, хотя и нельзя двоимъ рядомъ. По дорогѣ мы заѣхали въ старыи Руссикъ, находящійся на разстояніи $\frac{3}{4}$ часа отъ новаго.

Старый или нагорный Руссикъ — первоначальное мѣсто поселенія русскихъ, перешедшихъ сюда изъ скита Ксилургу, до 1869 года лежалъ въ развалинахъ. Онъ живописно расположенъ подъ тѣнію вѣковыхъ платановъ и каштановъ на горѣ, съ которой открывается прекрасный видъ на заливъ св.

На торжество освященія храма Св. Андрея, Андреевскимъ скитомъ были словесно приглашены представители Кинота и настоятели монастырей; меньшинство же требовало, чтобы приглашенія посланы были отъ греческаго Ватопедскаго монастыря, въ зависимости отъ котораго находится упомянутый выше Андреевскій скитъ. Но такъ какъ это не было сдѣлано, то эти лица отказались участвовать въ торжествѣ, между тѣмъ какъ участвовавшіе сдѣлались предметомъ грубѣйшаго оскорбленія. По окончаніи торжества, послѣднимъ было объявлено, что большая столовая переполнена гостями, такъ что для нихъ не оказалось мѣста, къ великому сожалѣнію скита. Тѣмъ не менѣе мѣста въ трапезѣ нашлись для представителей славянскихъ монастырей: Пантелеймоновскаго (Русскаго), Зографскаго (Болгарскаго), Хиландарскаго (Сербскоболгарскаго) и Русскаго скита Пророка Іліи.

Итакъ, въ этомъ официальномъ обѣдѣ изъ грековъ участвовали только члены Ватопедской депутаціи, принявшей участіе и въ обрядѣ освященія.

Адмиралъ Бирилевъ въ своемъ громогласно произнесенномъ тостѣ, какъ бы находясь на полѣ сраженія и дѣлая соответствующія распоряженія, глубоко тронулъ присутствующихъ русскихъ, изъ которыхъ многіе проливали слезы (?). Въ заключеніе тоста онъ сказалъ по адресу патр. Іоакима: „Совершенно безразлично, что онъ стоитъ въ сторонѣ отъ дѣлъ правленія: мы считаемъ его нашимъ Патріархомъ“.

Нѣкоторые пункты тоста сильно касались насъ и особенно титула Вселенскаго Патріарха. Говорятъ, что тостъ адмирала подалъ поводъ къ неудовольствіямъ между нимъ и г. посломъ Зиновьевымъ.

На слѣдующій день освященія, Бирилевъ, который въ своемъ тостѣ восхвѣлъ патр. Іоакиму панегирикъ, забылъ, какъ онъ послѣ утверждалъ, пригласить его на броненосецъ, между тѣмъ какъ въ тотъ же самый день по телеграфу пригласилъ настоятелей двухъ русскихъ скитовъ, чтобы они присутствовали на происходившемъ тутъ приѣмѣ“.

горы. Онъ очень не великъ, а начатый въ немъ постройкою и возведенный до половины большой храмъ стоитъ неоконченнымъ, и его бѣлыя мраморныя колонны, обвитыя зеленымъ плющемъ, представляютъ печальное зрѣлище. Въ ширгѣ Руссика находится маленькій храмъ съ алтаремъ въ нишѣ. Въ этомъ храмѣ, въ 1186 году, постригся въ монахи сербскій царевичъ Растко, въ послѣдствіи знаменитый архіепископъ Савва. Хотя Савва жилъ и недолго въ старомъ Руссикѣ, однако сербскіе цари долгое время потомъ покровительствовали русскому монастырю, видя, говоря словами одного сербскаго хризовула, „нищету послѣднюю сего монастыря и еще-же и отъ Руси всеконечное оставленіе“ (по случаю монгольскаго ига). Послѣ того, какъ въ 1735 году русскіе перебрались въ теперешній Пантелеймоновскій монастырь изъ нагорнаго Руссика, этотъ послѣдній опустѣлъ, его храмы превратились въ развалины; въ такомъ положеніи онъ оставался болѣе ста лѣтъ и возстановленъ только 30 лѣтъ тому назадъ, когда между русскими и греками возникли несогласія изъ—за права обладанія Пантелеймоновскимъ монастыремъ. Пантелеймоновцы, боясь потерять прибрежный монастырь, стали возстановлять древній Руссикъ. Въ 1867 году тамъ былъ начатъ постройкою новый громаднѣйшій храмъ во имя св. вел. Пантелеймона. Онъ строился изъ тесаннаго аѳонскаго камня и, судя по сохранившемуся до сихъ поръ остову съ большими мраморными колоннами, обѣщаль быть грандіознымъ. Но постройка его была прекращена, когда русскіе отстаивали свои права на владѣніе приморскимъ Пантелеймоновскимъ монастыремъ и имъ не угрожало болѣе выселеніе изъ него, тѣмъ болѣе, что цѣредствъ, нужныхъ для постройки большого храма, у иноковъ монастыря не хватало. Въ настоящее время братіи въ нагорномъ Руссикѣ болѣе 20 человекъ. Уставъ—болѣе строгій и подвижническій, чѣмъ въ самомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, откуда переселяются сюда монахи, желающіе вести болѣе строгую, отшельническую жизнь.

Встрѣтили Преосвященнаго въ старомъ Руссикѣ колокольнымъ звономъ. Зашли въ храмъ, выслушали краткій молебенъ, послѣ котораго Преосвященный сказалъ инокамъ рѣчь. Затѣмъ прошли въ небольшой архондарикъ, гдѣ, по обычаю, намъ было предложено глико и кофе. Здѣсь мы узнали,

что о. Цвикціонъ—нашъ проводникъ по Аѳону — живетъ постоянно въ старомъ Русикѣ, гдѣ находится его и келлія. Мы посѣтили эту келлію — небольшую, продолговатую комнату, всю заставленную иконами и цвѣтами. Изъ нагорнаго Руссика къ вечеру пріѣхали въ Пантелеймоновскій монастырь. Дорога отъ стараго до новаго Руссика—обычная аѳонская, т. е. все время то поднимается кверху, то спускается внизъ, такъ что постоянно угрожаетъ опасность потерять равновѣсіе и упасть, что дѣйствительно и случилось съ однимъ изъ членовъ нашей компаніи, перелетѣвшимъ черезъ голову мула на крутомъ спускѣ. Къ счастью, паденіе обошлось благополучно.

На слѣдующій день долженъ былъ проходить мимо Аѳона возвращающійся изъ Яффы пароходъ Русскаго Общества „Лазаревъ“, на которомъ мы предполагали доѣхать до Дарданель, чтобы пересѣсть на встрѣчный пароходъ „Цесаревичъ“, отправляющійся въ Яффу. Последнюю ночь на Аѳонѣ провели подъ гостепріимнымъ кровомъ Пантелеймоновскаго монастыря, въ которомъ Преосвященный собирався въ день отъѣзда служить Божественную литургію. Вечеромъ, послѣ ужина, когда опустилась надъ горою темная ночь и небо загорѣлось мириадами звѣздъ, съ балкона гостиницы долго наслаждались чудною лѣтнею ночью на берегу моря. Лѣтній зной смѣнился прохладой; съ моря подулъ легкій, ласкающій вѣтерокъ; само море, словно дремлющее, вдали кажется темно-бархатнымъ. Затѣмъ далеко-далеко, словно призраки, темнѣются горы. Небо какъ-то особенно ярко горитъ звѣздами и кругомъ какая-то чудная, торжественная тишина. Въ этой чарующей тишинѣ какъ будто слышится гимнъ хвалы и благодаренія, воспѣваемый природою Своему Творцу.

17 Іюня. Суббота. Прощаніе съ Аѳономъ.

Сегодня утромъ литургію служилъ преосвященный Арсеній вмѣстѣ съ архимандритомъ Андреемъ, мѣстнымъ и сопутьствовавшимъ ему духовенствомъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, въ соборномъ храмѣ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. При этомъ Преосвященнымъ была совершена хиротонія въ іеродіакона и іеромонаха. За богослуженіемъ присутствовали возвратившіеся въ Пантелеймоновскій монастырь изъ

Андреевскаго скита почетные посѣтители Аѳона: посоль въ Зиноуевѣ съ чиновниками посольства, Солунскій консулъ Иларіоновъ, г. адмиралъ Бирилевъ вмѣстѣ съ офицерами съ броненосца Александръ II-ой. Послѣ обѣдни былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Затѣмъ до обѣда всѣхъ почетныхъ гостей пригласили въ архондарикъ, гдѣ о. архимандритъ благословлялъ всѣхъ иконами св. Пантелеймона и книгами—изданіями Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по существующему на Аѳонѣ во всѣхъ скитахъ и монастыряхъ обычаю, предложена была „памятная“ книга для внесенія въ нее своихъ записей. Книга ведется давно и является однимъ сплошнымъ панегирикомъ по адресу монастыря. Всѣ паломники восторгаются здѣсь чудными видами природы и прекраснымъ климатомъ Аѳона, удивляются строгой подвижнической жизни иноковъ, благодарятъ за ихъ необыкновенное радушіе и гостепріимство и высказываютъ пожеланія процвѣтанія иноческой жизни и самой обители. Мы также присоединили свои имена къ панегирику, написанному Преосвященнымъ. Посоль И. А. Зиновьевъ благодарилъ за радушный пріемъ и хвалилъ благоустройство обители. Характерную запись внесъ въ эту книгу контръ—адмиралъ Бирилевъ. Вотъ что въ ней между прочимъ говорится: „Моя русская душа и мой русскій духъ, какъ христіанина, получилъ полное удовлетвореніе въ святой русской обители. Великая сила моей великой родины въ томъ, что всякій русскій остается русскимъ, куда бы его не забросила судьба. Здѣсь, на чужой землѣ, я нашелъ русскихъ людей и русскій духъ, понявъ, что они члены великой русской семьи, ведущіе свое русское дѣло на той высотѣ, что посѣтитель понимаетъ, что онъ членъ великой родины. Какъ христіанинъ, я удовлетворенъ великолѣпіемъ и благолѣпіемъ служенія. Сила въ единеніи, а единеніе русскихъ людей—сила непобѣдимая. Желаю процвѣтать великой Пантелеймоновской обители, желаю ей быть сильной духомъ, желаю скитамъ стать самостоятельными монастырями и принять въ свое лоно всѣхъ русскихъ, которые будутъ искать утѣшенія въ вѣрѣ. Большое спасибо за радушный пріемъ“.

Въ ожиданіи обѣда, гости Пантелеймоновскаго монастыря разбрелись по большому архондарнику и балконамъ и кучками разговаривали. Вѣроятно рѣдко приходилось видѣть

въ монастырскихъ стѣнахъ такое разнохарактерное собраніе и слушать такіе разнообразныя разговоры.

Послѣ обѣда, адмиралъ Бирилевъ пригласилъ Преосвященнаго и всѣхъ насъ спутниковъ его, предѣ отправленіемъ на пароходъ, заѣхать къ нему и осмотрѣть его судно, эскадренный броненосецъ „Александръ II-ой“. Поэтому вскорѣ послѣ обѣда, любезно простившись съ гостепріимнымъ монастыремъ, провожаемые монахами, напутствованными всяческими благопожеланіями, при неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ, мы отправились къ монастырской пристани. Здѣсь, у береговъ мирнаго Аѳона, по случаю праздника въ Андреевскомъ скиту, теперь стоялъ цѣлый военный флотъ: броненосецъ Александръ II-ой, нѣсколько канонерскихъ лодокъ, миноноска, яхты—Черноморецъ, Запорожецъ и Колхида. Всѣ пароходы стояли въ почтительномъ разстояніи отъ берега. За нами адмиралъ прислалъ паровой катеръ, который въ десять минутъ привезъ къ броненосцу, казавшемуся издали громаднымъ морскимъ чудовищемъ. Когда мы подъѣзжали, съ броненосца раздались звуки военной музыки: „Коль славень“. Надъ трапомъ стоялъ самъ адмиралъ, встрѣчавшій Преосвященнаго. Послѣ того, какъ всѣ поднялись на палубу парохода, адмиралъ скомандовалъ на молитву и надъ пароходомъ взвился молитвенный флагъ. Пока матросы собирались на молитву, мы подъ руководствомъ самого адмирала осмотрѣли подробно весь броненосецъ. Осмотръ гиганта-броненосца произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе. Это цѣлый городокъ,—не даромъ каждый броненосецъ стоитъ нѣсколько милліоновъ. Мы прошли вмѣстѣ съ адмираломъ по всѣмъ этажамъ броненосца и детально осмотрѣли все. Послѣ осмотра броненосца, отправились въ пароходную церковь, гдѣ Преосвященнымъ въ сослуженіи съ военнымъ священникомъ былъ отслуженъ молебенъ. Пѣли мы вмѣстѣ съ матросами. За молебномъ присутствовали, кромѣ самого адмирала и офицеровъ, вся пароходная команда. Затѣмъ адмиралъ пригласилъ насъ въ свое помѣщеніе, гдѣ была предложена закуска, фрукты и шампанское. Простившись съ адмираломъ и поблагодаривъ его за радушный пріемъ, мы на томъ же катерѣ отправились къ нашему пароходу „Лазаревъ“, стоявшему противъ Дафны.

Провожалъ Преосвященнаго до парохода самъ адми-

ралъ. На броненосцѣ снова заиграла музыка и раздались 13-ть выстрѣловъ, далеко разнесшихся по окрестности, которыми адмиралъ чествовалъ, по морскому уставу, Преосвященнаго, какъ „3-го флагама русскаго флота“. Вскорѣ по прибытіи Преосвященнаго, пароходъ тронулся. Въ это же время раздались пушечные салюты съ броненосца „Александръ II-й“ въ честь г. посла, тоже одновременно съ нами оставлявшаго Аѳонъ, и отвѣтные съ „Черноморца“ въ честь адмирала Бирилева. Весь Аѳонъ заволочло густымъ облакомъ пороха многочисленныхъ салютовъ. Величественное и внушительное зрѣлище! Такъ закончились дни торжествъ на Аѳонѣ. Они глубоко запечатлѣлись въ памяти участниковъ и очевидцевъ ихъ и несомнѣнно сохраняются въ исторіи Аѳона и въ особенности русскаго монашества на Аѳонѣ.

Устроились мы на пароходѣ, благодаря любезности И. А. Иванова, прекрасно. Намъ отвели всю общую каюту перваго класса, въ которомъ, кромѣ Преосвященнаго и македонскаго консула Машкова съ женою, не было больше пассажировъ, и предоставили въ наше распоряженіе кормовую часть парохода, примыкавшую къ 1-му классу. Вечеръ этого дня закончился у насъ богослуженіемъ по случаю кануна воскресенья. Всенощную совершилъ о. Анастасій на верхней палубѣ парохода, обратясь лицомъ къ св. горѣ, долго не скрывавшейся изъ виду. Пѣли мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ и профессорами. На палубу собрались всѣ пассажиры. По мѣрѣ того, какъ мы отплывали дальше и небо темнѣло, Аѳонская гора заволакивалась туманомъ, но долго еще виденъ былъ вдаль ея темный силуэтъ. Но вмѣсто вѣшняго Аѳона, постепенно скрывавшагося съ нашихъ глазъ, въ нашихъ головахъ съ большею рельефностью сталъ обрисовываться мысленный Аѳонъ, какъ результатъ впечатлѣній, полученныхъ и пережитыхъ нами во время пребыванія нашего тамъ.

Аѳонъ какъ-бы самую природою предназначенъ для созерцательной, монашеской жизни. И дѣйствительно, трудно найти уголокъ, который бы былъ болѣе пригоденъ для монашескихъ подвиговъ, чѣмъ Аѳонъ. Изолированный отъ всего міра, со своими скалистыми неприступными берегами, Аѳонъ самъ по себѣ является какъ-бы громаднымъ монастыремъ. Міряне здѣсь не селятся потому, что каменистая

почва горы неплодородна, а берега—негостепрѣимны. Но на неплодородной вообще почвѣ Аѳона въ изобиліи растутъ виноградъ и прекрасно произрастаютъ, особенно на южной сторонѣ горы, фруктовыя деревья: каштановыя, орѣховыя, смоковничныя, оливковыя, плодами которыхъ питаются иноки. Суровость и грандіозность Аѳонскихъ видовъ возбуждаетъ духъ къ созерцанію и самоуглубленію, а чудная красота морскихъ пейзажей, вѣчно-зеленѣющая въ ущельяхъ горъ и на отлогихъ мѣстахъ природа располагаетъ къ славословію Творца. Вотъ почему Аѳонъ съ самыхъ древнихъ временъ привлекалъ къ себѣ особое вниманіе и любовь людей еще языческаго, дохристіанскаго міра. Языческіе жрецы устроили здѣсь свои капища, а на темени Аѳона стояла статуя Зевеса, который назывался *Αἰθώς* и отъ котораго вся эта гора, еще во время Троянской войны, почиталась высотой сего божества ¹⁾. Кромѣ того, Аѳонъ издревле славился какъ мѣсто уединенія нѣкоторыхъ греческихъ мудрецовъ, приходившихъ сюда для глубокихъ размышленій и созерцаній таинствъ природы. Но совсѣмъ другая слава ожидала Аѳонъ въ будущемъ. Когда свѣтъ евангельской истины, въ числѣ другихъ мѣстъ, озарилъ и Аѳонъ; когда Богъ благословилъ его быть удѣломъ Божіей Матери,—тогда языческія капища его замѣнились святыми храмами истиннаго Бога, игрища и ликованія—молитвенными трудами, крестными лишеніями и духовными пѣснопѣніями. Съ тѣхъ поръ и донынѣ Аѳонъ представляетъ особое явленіе въ христіанскомъ мірѣ, какъ область исключительно иноческаго, какъ средоточіе жизни православно-восточнаго монашества, которое соблюдается тутъ отъ лѣтъ древнихъ въ неповрежденной чистотѣ и осуществляется въ лицѣ многихъ святыхъ подвижниковъ, которые вдали отъ мірскаго шума и житейской суеты возносятся къ Отцу свѣтовъ непрестанныя молитвы за грѣшный родъ человѣческій. Въ этомъ главная заслуга Аѳона, который никогда не оскудѣвалъ подвижниками: въ этомъ—громадное его значеніе. Закаляя духъ въ уединеніи и непрестанной молитвѣ, совершенно отрѣшаясь отъ міра и его мелочныхъ будничныхъ интересовъ, Аѳонскіе отшельники дѣлаются, по истинѣ, великими людьми и болѣе полезными для того міра, который они

¹⁾ Преосв. Порфирій. Исторія Аѳона. ч. 1. 73 стр.

оставили, чѣмъ живущіе въ мірѣ, но похожіе на трость, колеблемую вѣтромъ, общественные дѣятели жизни. Чуждые мелочнымъ интересамъ жизни, они такъ закаляютъ волю, что готовы въ каждую минуту жизни положить свой животъ за дорогую для нихъ идею, за идею православія. Въ этомъ значеніе Аѳона, гдѣ ни одна церковь не была обращена въ мечеть и гдѣ нѣтъ ни одного неправославнаго монастыря. Поэтому Аѳонъ вполне справедливо называютъ училищемъ благочестія и оплотомъ православія. Услуги, оказанныя Аѳонскими иноками послѣднему, неоцѣнимы. Въ X—XIV вѣка, въ золотой вѣкъ монашества на Аѳонѣ, когда число монастырей здѣсь доходило до 150, а иноковъ—до 50 тысячъ, послѣдніе спасли чистоту православія, горячо вооружившись противъ лѳонской и флорентійской уній и противъ попытокъ порабощенія православной Церкви подъ власть римскаго первосвященника—папы. Борьба съ католическою пропагандою, находившею покровительство у Византійскихъ императоровъ, стоила большихъ усилій и нерѣдко жизни. Извѣстно, что 26 Зографскихъ иноковъ заплатили мученическою смертію за вѣрность православію, будучи сожжены въ пиргѣ своего монастыря. Послѣ паденія Византіи и утвержденія на развалинахъ ея турокъ, исповѣдующихъ мусульманство, православные греки нашли надежный пріютъ для себя на святой горѣ, которая и подъ турецкимъ владычествомъ сумѣла сохранить полную независимость и не утратила ни чистоты вѣры, ни обрядовъ, ни духа истинно подвижнической жизни, ни церковнаго благолѣпія древней Византіи. Предметы христіанскаго культа и книжныя сокровища древней Византіи нашли здѣсь для себя надежный пріютъ. Здѣшніе ученые мужи (напр., митрополитъ Кипріанъ, пр. Максимъ Грекъ, Іоаннъ Вышенскій и др.) своими переводами священныхъ книгъ и собственными сочиненіями оказали немалую услугу и Россіи.

За продолжительное время существованія Аѳонскаго монашества, поставленнаго природою и всею обстановкою въ особыя условія, сложился особенный, оригинальный типъ аѳонскаго монаха. На сколько мы успѣли съ нимъ познакомиться за время пребыванія на Аѳонѣ, этотъ типъ можно характеризовать слѣдующими чертами. Прежде всего, всѣмъ аѳонскимъ монахамъ присуща какая-то необыкновенная жизне-

радостность, соединенная съ радушіемъ и любезностью. Быть можетъ въ этой жизнерадостности сказывается вліяніе вѣчноюной, вѣчно-зеленѣющей, красивой южной природы; можетъ быть она объясняется глубокимъ проникновеніемъ христіанскимъ настроеніемъ, которое жизнерадостно по самой своей природѣ. Во всякомъ случаѣ, трудно встрѣтить на Аѳонѣ монаха, живущаго въ монастырѣ, скиту, келліи, каливѣ, или даже подъ открытымъ небомъ, и недовольнаго судьбою и жизнію. Другою отличительною чертою аѳонскихъ иноковъ является ихъ крайній субъективизмъ, обусловливаемый, вѣроятно, одинокою, созерцательною жизнію. О чемъ бы не заговорили вы съ инокомъ, онъ непременно приведетъ въ примѣръ себя; никогда не сошлетя ни на исторію, ни на общественную жизнь, ни на опытъ другихъ, а непременно на свой собственный опытъ. Наконецъ, аѳонскихъ иноковъ отличаетъ отъ простыхъ русскихъ монаховъ сравнительная интеллигентность. Необходимость конкурировать съ греками заставляетъ ихъ быть всегда на сторожѣ и ни въ чемъ не отставать отъ нихъ. Поэтому, хотя ученыхъ и немного на Аѳонѣ, а среди русскихъ, кажется, нѣтъ никого, серьезно занимающагося наукою, тѣмъ не мѣнѣе большинство русскихъ аѳонскихъ иноковъ говорятъ или по гречески, или по турецки; дорожатъ книжными сокровищами своихъ библиотекъ, сами издають душеспасительныя и относящіяся къ исторіи Аѳона сочиненія.

Есть-ли на современномъ Аѳонѣ выдающіеся подвижники, — этимъ вопросомъ какъ мы ни интересовались, не могли получить на него удовлетворительнаго отвѣта. „Какъ не быть? навѣрно есть, — говорили аѳонцы, — но только они, вѣдь, скрываются по пещерамъ и неизвѣстны міру; а отличающихся своею особенно строгою жизнію по разнымъ монастырямъ, конечно, всегда много“. Особенно указывали на одного подвижника, безмолствующаго въ Андреевскомъ скиту болѣе 30-ти лѣтъ, но намъ, къ сожалѣнію, не пришлось увидѣть его, такъ какъ мы были въ скиту во время торжества, по случаю котораго иноки такъ были всегда заняты, что некому было показать келлію знаменитаго молчальника. Здѣсь же, въ одной изъ келлій, принадлежащихъ Андреевскому скиту, живетъ о. Иннокентій (бывшій миллионеръ, крупный сибирскій золото-промышленникъ И. М. Сибиряковъ), ведущій

замѣчательно подвижническій образъ жизни. Въ этой кельи пять дней въ недѣлю не полагается ѣсть никакой горячей пищи, а масло и вино употребляются только по субботамъ и воскресеньямъ.

Что касается отрицательныхъ типовъ монашества, то несомнѣнно и такіе встрѣчаются въ почти десяти тысячномъ населеніи Аѳона. Сирмахи и странствующие монахи, промышляющіе милостынею, ведутъ себя иногда такъ, что Пантелеймоновцы не совѣтовали намъ уходить безъ провожатаго далеко отъ монастыря, въ лѣсъ, гдѣ можно встрѣтиться съ этими монахами. Штатные греческіе монастыри, а ихъ около половины, путеводитель скромно называетъ стоящими на низшей ступени восхожденія къ небу; а одинъ изъ недавнихъ посѣтителей Аѳонской горы пишетъ про нихъ: не смотря на ангельскій чинъ, греческіе монахи, особенно богатыхъ, такъ называемыхъ штатныхъ монастырей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, обладаютъ монашескими добродѣтелями въ весьма умѣренной степени, и „подвижниками“ ихъ можно назвать развѣ въ ироническомъ смыслѣ. Они допускаютъ личную собственность монаховъ, не признаютъ общей трапезы, а ѣдятъ каждый отдѣльно въ своей кельѣ и не гнушаются ни курочкой, ни барашкомъ. Къ молитвеннымъ правиламъ они относятся также свободно. Что касается многочисленныхъ святогорскихъ кельіотовъ, то ихъ подвижничеству сильно мѣшаетъ вѣчная забота о пропитаніи, такъ какъ всѣ Аѳонскіе монахи живутъ не плодами своихъ рукъ, а главнымъ образомъ, благочестивыми пожертвованіями, чѣмъ объясняется назойливость русскихъ кельіотовъ, разсылающихъ по Россіи во множествѣ письма съ просьбою о подаваніи. За то пещерниковъ, хотя такихъ въ настоящее время немного, и киноіотовъ *en masse* трудно упрекнуть въ чемъ либо. Пещерники все время проводятъ въ молитвѣ; питаются они дикими каштанами, желудями, кореньями, травами, и только изрѣдка употребляютъ хлѣбъ. Изъ своихъ пещеръ выходятъ они рѣдко, и то только для того, чтобы увидать своего духовника и причаститься Св. Тайнъ. Киноіоты на Аѳонѣ ведутъ также строго подвижническую жизнь. Прежде всего, они совершенно не имѣютъ своей воли и безусловно подчинены настоятелю, слово котораго для нихъ священно; безъ благословенія настоятеля

ни одинъ монахъ не можетъ даже выйти изъ стѣнъ своего монастыря. Настоятель знаетъ не только всѣ дѣйствія и поступки иноковъ, но и всѣ ихъ скрытые, сердечные помыслы. Въ субботу всѣ иноки обязаны, по здѣшнему уставу, исповѣдываться и причащаться Св. Христовыхъ Тайнъ. Собственности въ киновіи никто не имѣетъ; у нихъ все общее, все монастырское. Они всѣ носятъ совершенно одинаковую, простую одежду, начиная съ настоятеля и кончая послѣднимъ послушникомъ, и употребляютъ общую пищу. Трапезы въ киновіяхъ—очень скромныя. Обычно она бываетъ два раза въ день,—а по понедѣльникамъ, средамъ, пятницамъ и великимъ постомъ—только одинъ разъ въ день. Въ постные дни она состоитъ изъ однихъ овощей и хлѣба; рыба и масло постомъ не употребляются. Почти все время иноки киновій проводятъ въ молитвѣ и славословіи Творца. Въ полночь начинается утренняя; тотчасъ послѣ утрени—ранняя литургія; а спустя нѣкоторое время—поздняя. За два часа до заходящаго солнца начинается вечерня съ повечеріемъ. Подъ праздничные и воскресные дни совершаются всенощныя бдѣнія, продолжающіяся въ собственномъ смыслѣ всю ночь, обыкновенно 10—12 часовъ, а въ престольные праздники до 14 часовъ. Во время бдѣнія епископъ, а иногда и самъ настоятель, обходитъ церковь и будитъ заснувшихъ или задремавшихъ. Кромѣ церковной молитвы существуетъ келейная, различная для разныхъ лицъ: послушниковъ, монаховъ и схимонаховъ. Наиболѣе тяжелое келейное правило для схимонаховъ, которые, читая канонъ, должны положить 1,200 поясныхъ и 100 земныхъ поклоновъ. Послѣ послѣдней вечерней службы инокамъ запрещается строго ѣсть и пить. Нарушившій это запрещеніе кладетъ 50 поясныхъ или земныхъ поклоновъ и снова вычитываетъ повечеріе. Запрещается также послѣ повечерія сходитьсь въ келліяхъ и разговаривать. Такъ закаляется, очищается и возвышается духъ инока въ условіяхъ истинной киновійной жизни!

Конечно, можно спорить о сравнительной высотѣ киновійнаго и отшельническаго образа жизни, тѣмъ болѣе, что всякій монахъ по идеѣ есть прежде всего анахоретъ. Но если подвигъ анахоретства и труденъ, потому что человѣкъ, созданный для общественной жизни, когда удаляется въ пустыню, идетъ, такъ сказать, наперекоръ своей природѣ, то жизнь въ ки-

новѣи не менѣе трудна. Правда, человѣкъ здѣсь живетъ въ средѣ подобныхъ себѣ, но, что самое главное, отрѣзается отъ своего я, отъ своей воли, которую передаетъ какъ бы на крестное распятіе. А что стоитъ человѣку, одаренному великимъ даромъ свободы, подчинить свою волю другому, стѣснять себя въ дѣйствіяхъ и даже въ самой мысли, и такимъ образомъ лишаться этого дара? Не подвигъ ли это, и притомъ великій? Жизнь киноіатовъ и многіе святые отцы считали слишкомъ высокою и не всѣми выносимою...

Въ бесѣдѣ объ этомъ, въ которой живое участіе приняли Преосвященный и профессора, и о другихъ соприкосновенныхъ вопросахъ, навѣянныхъ аѳонскими впечатлѣніями, затянулось время до полуночи, когда все болѣе и болѣе развивавшееся волненіе морское начало давать себя чувствовать обычнымъ въ такихъ случаяхъ „томленіемъ“ духа, особенно для нѣкоторыхъ, и мы одинъ по одному разошлись на отдыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
